

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. От диалектики материи к процессам индивидуации: сравнительный анализ онтологий Фридриха Энгельса и Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 8. С. 22-43. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.75131 EDN: WTIJFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75131

От диалектики материи к процессам индивидуации: сравнительный анализ онтологий Фридриха Энгельса и Жильбера Симондона

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.8.75131

EDN:

WTIJFG

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2025

Дата публикации:

05-09-2025

Аннотация: Современная философия, столкнувшись с кризисом классических метафизических систем, активно ищет альтернативные подходы к осмыслению реальности, способные преодолеть ограничения как субстанциализма, так и радикального конструктивизма. Если Ф. Энгельс, опираясь на диалектический материализм, рассматривает мир как иерархию форм движения материи, подчиняющихся универсальным законам диалектики, то Ж. Симондон смещает акцент с готовых структур на процессы индивидуации, в которых бытие конституируется через разрешение метастабильных напряжений. В этом контексте сравнительный анализ онтологий Энгельса и Симондона приобретает особую значимость, поскольку позволяет

сопоставить две влиятельные, но редко противопоставляемые традиции: диалектический материализм с его акцентом на объективных законах развития материи и процессуальную онтологию, ставящую во главу угла становление и индивидуацию. Исследование актуально для решения таких современных проблем, как осмысление сложных систем, динамики социальных изменений и природы материальности в постчеловеческих исследованиях. В центре внимания методологической основы статьи оказывается противостояние двух подходов: объективной диалектики природы у Энгельса и имманентной онтологии становления у Симондона. Сравнительно-критический анализ включает в себя следующие методы исследования: концептуальный (категориальный) анализ, текстуальный анализ, компаративный (сопоставительный) метод, метод синтеза и конструктивного моделирования. Кроме того, используются элементы философии науки, онтологии и социальной теории для раскрытия методологических ограничений и преимуществ каждого подхода. Новизна статьи заключается в системном сопоставлении этих двух моделей, которое выявляет их методологические расхождения и точки потенциального диалога. В отличие от традиционных интерпретаций, сводящих онтологию Энгельса к «законам диалектики», а концепцию Симондона – к критике субстанциальности, автор демонстрирует, что их противостояние затрагивает более глубокие вопросы: о природе детерминации, соотношении части и целого, а также возможностях нередукционистского понимания материи. Впервые в рамках одного исследования анализируется как симондонианская критика «готового индивида» и идея метастабильности ставят под сомнение ключевые постулаты диалектического материализма, предлагая альтернативу – онтологию, в которой порядок возникает не из предустановленных закономерностей, а из имманентной динамики доиндивидуального поля. Это открывает перспективы для переосмыслиния материализма в контексте современных споров о реализме, эмерджентности, контингентности и процессуальности.

Ключевые слова:

Энгельс, Симондон, индивидуация, конкретизация, трансдукция, доиндивидуальная среда, диалектический материализм, иерархия, детерминизм, движение материи

Введение

В настоящее время современная философия сталкивается с необходимостью переосмыслиния классических онтологических моделей в условиях радикальной цифровой технологизации общества. Если диалектический материализм одного из основоположников марксизма Фридриха Энгельса (1820–1895) предлагал понимать реальность через противоречивое движение объективных форм материи, то философия техники, сложности и жизни французского мыслителя Жильбера Симондона (1924–1989) смещает свой взгляд на процессы индивидуации, динамического становления сущего через взаимодействие технических, биологических и социальных индивидов. Это не просто спор о приоритете «материи» или «процесса», а фундаментальное столкновение двух способов мыслить саму природу бытия: как завершенную систему или как непрерывное творчество. Другими словами, в данном контексте цифровой эпохи, характеризующейся гибридизацией человека и машины, стремлением создать новый интеллект и сложными сетевыми экосистемами, процессуальная онтология Симондона обретает особую объяснительную силу. Его концепция «технического бытия» и индивидуации через метастабильные, контингентные и рекурсивные состояния, где

доиндивидуальное поле потенциалов кристаллизуется в конкретные сущие (технические системы, живые организмы и коллективы) предлагает инструментарий для осмыслиния реальности как незавершенного, постоянно пересобирающегося паттерна. В отличие от замкнутых «форм» классического материализма, симондонианский подход позволяет описывать, например, нейросеть или Big Data не как статичную систему, а как динамический процесс обучения и адаптации. В этом случае нейросеть всегда находится в непрерывном взаимодействии с данными, человеком и ассоциированной с ним средой не как субстанция, а как незавершенная и метастабильная цифровая система, постоянно определяющая себя через свои технические интерфейсы и социальные связи. В результате онтология становления оказывается адекватной для мира, где границы между «естественным» и «искусственным», «материальным» и «информационным» все более размываются.

Однако это смещение внимания на процесс и индивидуацию ставит перед современной философией новые, возможно, еще более сложные вопросы, которые диалектический материализм с его акцентом на объективных законах и системной целостности мог бы (хотя и в иных терминах) поставить под сомнение. Если бытие принципиально незавершено и конституируется через бесконечные акты индивидуации, то где гарантии устойчивости и преемственности реальности? Не ведет ли акцент на творчестве, метастабильности и контингентности к релятивизации онтологических оснований? Более того, симондонианский анализ отчуждения в технике предупреждает о рисках неконтролируемой индивидуации систем, обретающих свою собственную, чуждую человеку логику (что ярко проявляется в «черных ящиках» алгоритмов или относительно автономных военных системах). Вот почему переосмысление онтологии в современности – это не только выбор между материей и процессом, а необходимость синтезировать интуицию симондонианского динамического становления с пониманием структурных ограничений и потенциальной тотальности систем (наследие на которое указывает в том числе и диалектическая традиция). Особенно такое переосмысление важно при становлении этих физических, биологических и психических систем в свете беспрецедентной власти технологий, способных не только опосредовать, но и радикально трансформировать саму ткань «доиндивидуального» и направлять процессы индивидуации в масштабах, немыслимых для диалектического материализма, пытающегося выйти за рамки классической философии. Поэтому философия в современности сталкивается с задачей мыслить одновременно не только творческую открытость бытия, но и ее метастабильность, рекурсивность и контингентность [\[1,2\]](#).

Таким образом, актуальность такого осмыслиения обусловлена кризисом традиционных категорий (материя, субъект, объект) в эпоху алгоритмов, нейроинтерфейсов и гибридных коллективов. Энгельс, опиравшийся на науку XIX века, видел в диалектике материи ключ к объяснению прогресса, но его модель не учитывала нелинейность технической эволюции и трансиндивидуальность (гибридность) современных систем. Симондон же, предвосхищая постчеловеческий поворот, раскрывает онтологию, где техника не обслуживает человека, а соучастует в его бытии. Данная статья ставит целью выявить, как переход от «диалектики материи» к «процессам индивидуации» и теории «саморазвивающихся рефлексивных и активных сред» меняет саму возможность познания и преобразования реальности.

Онтология завершенности: диалектико-материалистическая система Фридриха Энгельса

В ноябре 2025 года будет отмечаться 205-летие со дня рождения Фридриха Энгельса,

чье влияние на ход мировой истории трудно переоценить. Современный взгляд позволяет оценить многогранность его личности: он выступал и как политик немецкого происхождения, и как исследователь истории, и как практик бизнеса. Однако наиболее прочно в коллективной памяти закрепился образ Энгельса-философа, ключевого создателя марксистского учения, ближайшего соратника и соавтора Карла Маркса (1818–1883). В определенные периоды его теоретическое наследие становилось предметом не только юбилейных упоминаний, но и постоянного, зачастую обязательного обращения в рамках господствующей идеологической парадигмы. На этом фоне выделяется незавершенный труд «Диалектика природы» (нем. *Dialektik der Natur*)^[3], представляющий собой несколько иную грань интеллектуальных поисков Энгельса. В отличие от его политico-экономических и историко-философских работ, это была масштабная попытка применить диалектический метод к анализу фундаментальных закономерностей естествознания. При этом очевидно, что этот неоконченный труд Энгельса ставил важную задачу – интерпретировать естествознание на основе законов диалектики. Идея возникла в 1873 году, текст в основном сложился к 1882 году, но известный нам облик работы обрела только после публикации в СССР в 1925 году^[4]. В этой работе автор настойчиво доказывает тезис о двусторонней зависимости. А именно, что материалистическая философия должна базироваться на синтезе данных естественных и общественных наук, а плодотворное развитие самих естественных наук, по мнению Энгельса, требует опоры на диалектико-материалистическую методологию. Энгельс полагал, что развитие науки неизбежно подрывает метафизические воззрения на природу изнутри, что приводит к закономерной смене их диалектическим методом. Этот процесс заставляет естествоиспытателей отказываться от метафизики в пользу диалектики. В этом случае Энгельс особенно подчеркивает, что для современного ему естествознания освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью^[3].

Итак, в своем популярном очерке «Диалектика природы», по мнению советского философа и логика Б.М. Кедрова (1903–1985), Энгельс подробно изложил основные научные достижения той эпохи^[5]. Обладая знанием предмета и применяя материалистическую диалектику, он сумел, пусть и с определенной полемической резкостью, показать иерархическую (вертикальную) структуру форм движения материи. В этой структуре высшие формы, надстраиваясь над низшими, включают их законы, но обогащаются новыми специфическими закономерностями. То есть его природа организована в виде восходящей иерархии (от механики к физике, к химии, к биологии и к обществу), где каждая высшая форма возникает на основе низшей, сохраняя ее законы, но добавляя новые. В этом случае, опираясь на логику Г. Гегеля (1770–1831)^[6], у Энгельса первоначалом всегда является материя, понимаемая как объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания^[3, с.45–46]. Это первоначало не сводится к конкретным формам (веществу или энергии), а представляет собой универсальную субстанцию, проявляющуюся через бесконечное многообразие движущихся и взаимодействующих элементов. Энгельс подчеркивает, что движение материи не только развивается по закону «несотворимости и неуничтожимости»^[3, с.46], но и по законам «диалектики»^[3, с.38] («единство и борьба противоположностей», «переход количества в качество», «отрицание отрицания»). Кроме того, критикуя метафизические представления о природе как совокупности статичных объектов, он утверждает, что сама «материя есть процесс»^[3, с.178–179], что особенно наглядно проявляется в эволюции от неорганических форм материи к жизни и сознанию. Поэтому такая трактовка материи стала не только радикально отличаться от механистического

материализма XVIII века, но и включать в себя историчность и саморазвитие.

Можно отметить, что работа Энгельса над «Диалектикой природы» происходила в условиях, когда в научном мире доминировала концепция иерархии наук, разработанная основателем позитивизма и социологии Огюстом Контом (1798–1857). В своем фундаментальном труде «Курс позитивной философии»^[7] Конт выстроил строгую последовательность научных дисциплин: изучение должно было начинаться с математики, затем переходить к механике, астрономии, физике, химии и физиологии (биологии), завершаясь социологией. Согласно этой системе, каждая предыдущая наука являлась обязательной основой для последующей: без полного освоения физики нельзя было изучать химию, без химических знаний приступать к биологии, а без понимания биологических закономерностей – переходить к социологии. Такой подход предполагал жесткую линейную зависимость между науками, где переход к новой дисциплине требовал полного овладения предыдущей. Энгельс писал: «Как мало Конт является автором своей списанной им у Сен-Симона энциклопедической иерархии естественных наук, видно уже из того, что она служит ему лишь ради расположения учебного материала и в целях преподавания...»^[8, c.565]. Кроме того, Энгельс приходит к следующему выводу: если не считать собственно математики, каждая основная наука имела во времена Кonta своим предметом отдельную форму движения материи. Отсюда следует, что Энгельс сосредоточил свои исследования на выявлении взаимосвязей и переходов между объектами изучения различных научных дисциплин, а также на взаимодействии между самими науками.

В отличие от распространенных в то время представлений, он уделял особое внимание пограничным зонам между отдельными явлениями природы и между природными и социальными процессами, где ранее господствовали жесткие разграничения. Такой новаторский подход позволил представить систему научного знания как отражение поступательного развития. А именно развития знания от элементарных форм движения материи к более сложным формам движения. В этой иерархической системе каждый последующий, более сложный объект исследования рассматривается как продукт эволюции предыдущего более простого, а соответствующая научная дисциплина – как закономерный результат развития более фундаментальной области знания. Современная философия определяет такой методологический принцип, учитывающий иерархию форм движения материи, как «диалектический детерминизм». Иными словами, диалектический детерминизм – это методологический принцип, утверждающий, что развитие материи происходит через иерархию качественно различных форм движения. При этом каждая высшая форма возникает из низшей формы на основе ее внутренних противоречий. Низшие формы не исчезают, а интегрируются в высшие формы, а именно одновременно преодолеваются, сохраняются и возвышаются в новых, более сложных структурах. В данном контексте переходы между формами, подчиняясь законам диалектики (скачки, отрицание отрицания), раскрывают развитие материи как линейный восходящий процесс.

Итак, согласно диалектическому детерминизму Энгельса, материя представляет собой объективную реальность, воспринимаемую через ощущения и пребывающую в состоянии непрерывного движения и развития. В этой системе движение выступает как неотъемлемый атрибут материи, ее фундаментальный способ существования, где все процессы Вселенной, по существу, являются переходами между различными формами движения. Центральным механизмом таких переходов выступает диалектическое взаимодействие противоположностей («закон единства и борьбы противоположностей»^[8, c.166]), согласно которому любое явление содержит внутренние противоречия, взаимоисключающие, но взаимосвязанные и взаимопроникающие

аспекты, как притяжение и отталкивание в физике или ассимиляция и диссимиляция в биологии. Эти противоположности, находясь в постоянном взаимодействии, создают внутреннее напряжение, которое, достигая критической точки, разрешается не через устранение одной из сторон, а посредством качественного скачка, коренного преобразования системы. Подобные качественные изменения всегда носят скачкообразный характер, проявляясь либо как резкие революционные преобразования, либо как постепенные эволюционные изменения, приводя к возникновению новых, более сложных противоречий на следующем уровне развития. Другими словами, переходы между формами движения материи представляют собой необратимые эволюционные (революционные) скачки, обусловленные достижением критических точек в накоплении энергии, сложности и новых типов взаимодействий на предыдущем уровне, ведущие к возникновению принципиально новых систем с эмерджентными свойствами и собственными законами функционирования и развития^[3,с.217].

Вторым фундаментальным механизмом диалектического развития у Энгельса выступает закон «перехода количественных изменений в качественные»^[3,с.200-207]. Согласно этому закону, развитие материи осуществляется через постепенное накопление количественных изменений. Например, к таким физическим величинам относятся как колебания температуры, скорости, размеров, концентрации веществ или числа элементов системы. Эти, казалось бы, незначительные изменения, достигая определенного критического предела (меры) вызывают резкий качественный скачок, приводящий к коренному преобразованию всей системы. В результате возникает принципиально новое качество с иными свойствами и законами функционирования, которое, в свою очередь, открывает простор для новых количественных изменений. Классической иллюстрацией этого закона служит процесс кипения воды: постепенный нагрев (количественное изменение температуры) при достижении 100°C приводит к скачкообразному переходу в новое агрегатное состояние (пар). Аналогично в общественном развитии: накопление технологических инноваций (количественные изменения в производительных силах) вступает в противоречие с устаревшими производственными отношениями, что в конечном итоге разрешается социальной революцией – качественным скачком, устанавливающим новый экономический уклад. Этот диалектический закон демонстрирует, как постепенные, едва заметные изменения способны приводить к радикальным преобразованиям всей системы.

Третьим ключевым законом диалектики выступает «отрицание отрицания»^[3,с.1], раскрывающий спиралевидный характер развития. В отличие от линейного прогресса, данный закон демонстрирует, как каждое новое состояние системы диалектически «снимает» (в гегелевском смысле) предыдущее, не просто отбрасывает его, но сохраняет и преобразует все ценное. Например, механическое движение (низшая форма) не исчезает с появлением химических реакций (более высокой формы), но становится их подчиненным моментом. Молекулы сохраняют механическое движение атомов, но оно теперь интегрировано в химические связи. В результате двойного отрицания развитие совершают виток спирали, формально возвращаясь к исходной точке, но обогащенное накопленным содержанием и поднятое на качественно новую ступень. Яркой иллюстрацией служит процесс познания: первоначальное чувственное восприятие (тезис) преодолевается абстрактным мышлением (антитезис) которое, в свою очередь, отрицается практической проверкой, возвращающей нас к чувственно данному, но теперь уже осмысленному и концептуально обогащенному (синтез). Поэтому диалектическое отрицание обеспечивает преемственность: новое сохраняет рациональное из старого, поднимая организацию на новый уровень. При этом Энгельс

считает случайность формой проявления необходимости. Например, случайные мутации в дарвинизме – инструмент необходимого закона естественного отбора. Мир, как считает Энгельс, в целом подчинен необходимости, которая всегда подразумевает скрытую цель, но на уровне отдельных явлений могут действовать случайные факторы [3, с.172-174].

Таким образом, механизмы перехода движения материи в онтологии Энгельса – это диалектические законы, действующие как имманентные силы саморазвития материального мира. Борьба противоположностей создает внутреннее напряжение и является движущей силой. Переход количества в качество объясняет, как постепенные изменения приводят к коренным преобразованиям через качественный эволюционный скачок. Отрицание отрицания задает направленность развития по спирали, обеспечивая преемственность и прогресс. По мнению Энгельса, эти механизмы действуют на всех уровнях организации материи (от элементарных частиц до общества) и во всех ее формах движения, обеспечивая вечное изменение, развитие и усложнение материального мира. В этой связи онтология Энгельса содержит выраженную телеологическую составляющую, поскольку предполагает направленный характер развития от простых форм организации материи к более сложным, от низших ступеней бытия к высшим, вплоть до достижения «царства свободы» [8, с.294], которая начинается там, где прекращается работа, диктуемая нуждой. Присущая его диалектике логика развития, хотя и включает циклические элементы в виде спиралевидного движения через отрицание отрицания, в конечном счете подчинена общей прогрессивной траектории. Эта модель, опирающаяся на естественный язык и конкретные примеры из природных и исторических процессов, представляет собой своеобразный синтез: циклические закономерности здесь не замкнуты сами на себя, а вплетены в общую поступательную динамику. Каждый новый виток спирали не просто повторяет пройденное, а выводит систему на качественно более высокий уровень организации, что в совокупности образует линейно-прогрессивную картину развития с элементами цикличности.

Классическим примером диалектического перехода между формами движения служит эволюция от механического к физическому этапу развития. На начальном этапе мы наблюдаем простые механические процессы: движение планет по орбитам или свободное падение тел, где энергия существует в виде кинетической или потенциальной. Однако по мере нарастания интенсивности механических взаимодействий, многочисленных соударений, трения, давления происходит накопление количественных изменений. Эти процессы уже не ограничиваются простым пространственным перемещением, а начинают порождать тепловые явления, вызывать структурные деформации и модифицировать внутреннее строение вещества. Такой качественный скачок особенно наглядно проявляется при исследовании механических свойств материалов: изучение упругости или прочности закономерно приводит нас к необходимости анализа молекулярных и атомных взаимодействий. В результате элементарные механические процессы через диалектику количественных накоплений трансформируются в сложные физические явления, демонстрируя фундаментальный принцип развития материи – переход от простых форм движения к более сложным и совершенным. Этот процесс ярко иллюстрирует, как количественные изменения, достигая критической точки, закономерно переходят в качественно новое состояние бытия [3, с.197-198].

Следовательно, возникновение физической формы движения происходит тогда, когда количественные изменения, накопленные в механических взаимодействиях (частота и сила соударений, площадь трения, величина давления) достигают критического порога,

приводя к качественному скачку. В результате появляются принципиально новые процессы, которые уже не могут быть объяснены простым сложением механических воздействий. Например, хаотическое движение молекул и атомов подчиняется уже не законам классической механики, а термодинамике и статистической физике. Поэтому для описания этих явлений требуются иные фундаментальные законы: термодинамические принципы, уравнения электродинамики Максвелла, а впоследствии и квантовая механика. Законы Ньютона, оставаясь верными в своей области, оказываются недостаточными для объяснения этих более сложных форм движения. Этот переход демонстрирует диалектический принцип развития материи: количественные изменения в механических процессах (рост числа и интенсивности взаимодействий) приводят к качественному преобразованию, возникновению новой, более высокой формы движения. Физическая форма (тепловая, электромагнитная, внутриатомная) не отменяет механическую, но включает ее в себя как частный случай, подчиняясь при этом собственным, более сложным закономерностям. Так, например, механическое трение порождает тепло. Но само тепло – это уже не просто движение тел в пространстве, а проявление внутренней энергии вещества, описываемое законами термодинамики. Поэтому материя, развиваясь через диалектические скачки, переходит от простых форм движения к все более сложным формам, образуя иерархическую систему взаимосвязанных уровней организации.

Необходимо отметить, что в онтологической системе Энгельса время понимается как фундаментальная форма существования движущейся материи, неотделимая от пространства и процессов развития. Он утверждает, что время – это не абстрактная длительность, а способ бытия материи, выражающий последовательность ее изменений и качественных превращений [3, с.187-188]. Энгельс рассматривает время через призму диалектического материализма: как объективную реальность, которая проявляется через различные формы движения материи, от механических процессов до биологической эволюции и социального развития. При этом особое значение он придает необратимому характеру временного процесса, что особенно ярко проявляется в переходе от низших форм движения материи к высшим. Важнейшей особенностью энгельсовской концепции времени является его связь с принципом развития. В отличие от механистических представлений о времени как о внешнем параметре, Энгельс показывает, что различные уровни организации материи обладают специфическими временными характеристиками. Биологическое время живого организма или историческое время общества качественно отличаются от физического времени, что отражает диалектический переход от простых форм движения к сложным. Такой подход предвосхитил современные представления о множественности темпоральности в разных системах и позволил Энгельсу обосновать идею прогрессивного развития природы как естественно-исторического процесса.

Вместе с тем Энгельс в анализе второго начала термодинамики подверг критике концепцию «тепловой смерти Вселенной» демонстрируя, что этот вывод основан на механистическом понимании законов природы, игнорирующим диалектический характер материи. Он аргументировал, что закон сохранения и превращения энергии необходимо рассматривать в единстве с принципом развития: бесконечная Вселенная представляет собой не замкнутую систему, а постоянно изменяющуюся материальную реальность, где процессы рассеяния энергии (энтропии) сопровождаются противоположными процессами концентрации и преобразования. Энгельс подчеркивал, что утверждение о неизбежном термическом равновесии ошибочно экстраполирует законы конечных систем на бесконечную Вселенную, не учитывая качественных превращений форм движения материи и их способности к самовоспроизведению. Этот анализ предвосхитил современные космологические концепции, отвергающие тепловую смерть как следствие

игнорирования гравитационных эффектов и флюктуаций в расширяющейся Вселенной [3, с. 228-229]. Кроме того, Энгельс провел всесторонний анализ дарвиновской теории эволюции, раскрыв ее глубокое соответствие принципам диалектического материализма. В своих работах он особо подчеркивал, что учение о естественном отборе и происхождении видов представляет собой научное подтверждение диалектических законов развития в живой природе. При этом Энгельс не ограничился простым сопоставлением, а развел эволюционную теорию, введя в нее принципиально новый аспект – роль трудовой деятельности в антропогенезе. Особое значение Энгельс придавал исследованию качественного скачка при переходе от биологической к социальной форме движения материи. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [9] он показал, что именно трудовая деятельность стала решающим фактором формирования человеческого сознания, речи и социальной организации. Этот процесс рассматривался Энгельсом как яркое проявление диалектического закона перехода количества в качество, где постепенное накопление навыков и орудийной деятельности привело к коренному преобразованию всей природы человека. В результате эволюционная теория получила у Энгельса материалистическое истолкование, органически связанное с диалектическим пониманием развития как единства непрерывности и скачков.

Энгельс также раскрыл и глубокую диалектическую природу математики, показав, что ее абстрактные понятия и операции являются отражением объективных отношений реального материального мира. В «Диалектике природы» [3, с. 145-146] он подчеркивал, что такие фундаментальные математические концепции, как переменная величина, представляют собой не просто формальные конструкции, а результат многовекового процесса познания человеком количественных и пространственных закономерностей природы. Введение понятия переменной величины Энгельс рассматривал как важнейший этап в развитии математического мышления, открывший путь к диалектическому пониманию изменчивости и взаимосвязи природных процессов. Особое значение Энгельс придавал анализу перехода от постоянных к переменным величинам, который он характеризовал как революцию в математике, позволившую описать движение и развитие в природе. В дифференциальном и интегральном исчислении он видел математическое выражение диалектических закономерностей как перехода количества в качество, так и взаимосвязи прерывного и непрерывного. Этот анализ предвосхитил современные представления о математике как языке описания реальных природных процессов, где абстрактные структуры соответствуют объективным отношениям материального мира. Энгельс подчеркивал, что именно диалектический подход позволяет понять, почему математические методы оказываются столь эффективными в естествознании, поскольку они отражают универсальные связи и закономерности самой природы.

Таким образом, онтология Фридриха Энгельса, выраженная в концепции форм движения материи, представляет собой диалектико-материалистическую систему, объясняющую единство и развитие природы и конституирующую иерархию качественно различных, но взаимосвязанных уровней организации материи. В отличие от предшественников, Энгельс: отказался от натурфилософского спекулятивизма немецких философов Ф. Шеллинга (1775-1854) и Г. Гегеля, объединил диалектику с естественнонаучным материализмом, а также ввел идею иерархии форм движения материи от механической к физической, химической, биологической и социальной форме. Эта система демонстрирует поступательное усложнение, где каждая высшая форма «снимает» (в гегелевском смысле) низшую, сохраняя ее законы, но подчиняя их новым

закономерностям. Однако сегодня концепция движущейся материи Энгельса подвергается критике за ее глубокую зависимость от устаревшей научной картины мира XIX века, неспособной адекватно описать реалии современной физики (квантовые явления, относительность) и сложных самоорганизующихся систем. Ее главные недостатки – это по-прежнему наличие механистического редукционизма (сведение высших форм бытия, включая сознание, к простому движению) и претензия на универсальность диалектических законов, чье повсеместное действие в природе не подтверждается однозначно. Концепция также недооценивает фундаментальную роль контингентности, нелинейности и эмерджентных свойств, что ограничивает ее объяснительный потенциал в свете современных научно-философских знаний.

Жильбер Симондон: онтология становления и процесс индивидуации

В то время как диалектико-материалистическая онтология Энгельса предлагает масштабную картину развития материи через последовательность качественных скачков, подчиняющихся универсальным диалектическим законам, онтология Симондона совершает радикальный поворот от этой «объективной диалектики природы» к анализу имманентных процессов индивидуации, где становление предшествует бытию. Если Энгельс делает акцент на иерархию форм движения материи во Вселенной как на объективную данность, выявляемую наукой, то Симондон в своих работах [10,11,12,13,14] смещает свое внимание на доиндивидуальное поле метастабильности. А именно на такое состояние Вселенной, в котором материя не просто развивается по предзаданным законам, но и конституирует через разрешение внутренних напряжений саму возможность возникновения структур. Поэтому его подход, отвергая как телеологию, так и жесткий детерминизм, раскрывает операциональную природу реальности: мир не «подчиняется» диалектике, но непрерывно «кристаллизуется» в актах трансдукции, где каждый индивид (от атома до социальной и гибридной системы) есть временный результат незавершенного процесса. Этот переход от диалектики как «логики природы» к онтологии как «философии становления» позволяет переосмыслить единство мира не через общие законы, а через универсальность механизмов порождения различий.

Философия Симондона представляет собой радикальный вызов традиционным философским онтологиям, центрированным вокруг «готового» стабильного индивида, и в этом она чем-то поверхностно схожа с диалектическим материализмом. Вместо того чтобы принимать индивидуализированное сущее, будь то человек, вещь или идея, как исходную данность, Симондон помещает в самый центр своего мышления сложный, динамичный и напряженный процесс индивидуации. Индивидуация не обладает ни формой, ни материей и позиционирует себя как генезис (онтогенез) [15,с.117]. Вот почему сущее в философии Симондона нетривиально и не задано изначально. Оно возникает как решение проблемы. При этом, как отмечает Симондон, индивидуация больше не предполагает принципа индивидуации. Индивидуальность не происходит из принципа, а является результатом процесса, который разворачивается в системе, наделенной метастабильной реальностью, где сущее не только возникает, но и развивается [14,р.26]. Другими словами, традиционная метафизика (от Аристотеля до Лейбница) искала правило, объясняющее уникальность вещей. Так, «душа», «форма», «монада» якобы «причины» индивидуальности. Симондон отвергает это: индивид не имеет «причины», он – результат процесса, как волна возникает из ветра и воды, но не сводится к ним. Следовательно, у Симондона принцип индивидуации не предшествует индивиду как внешняя причина или готовая форма (как «форма» Аристотеля или «душа» в традиционной метафизике), а имманентно содержится и раскрывается в самом динамическом процессе становления индивида. Поэтому индивидуация у Симондона

понимается как разрешение напряжений метастабильного состояния в доиндивидуальном поле, где уже заложены, но еще не актуализированы потенциальные пути становления. Сам процесс такого разрешения (актуализация принципа) напоминает не только рост кристалла в перенасыщенном растворе [10, p.6, 14, p.24, 1], но и формирование живого сущего, а также возникновение психики. В результате этот принцип становится неотделим от энергии, информации и отношений, структурирующих любую систему в ее переходе от нестабильности к относительной устойчивости.

Таким образом, принцип индивидуации для Симондона – это не статичный закон или сущность, а сама операция становления, имманентная реальности, где «душа» индивида оказывается не предзаданной субстанцией, а функцией и результатом этой непрерывной, внутренне присущей процессу индивидуирующей деятельности. Поэтому индивидуация как генезис основывает и охватывает дифференциацию и становление физических, биологических, психических, социальных, а также технических и психосоциальных (трансиндивидуальных) индивидов. То есть его онтология фундаментально является онтологией становления, где бытие понимается не как статичная сущность, а как перманентное событие индивидуации [14, p.70]. В результате процесс индивидуации у Симондона – это механизм, посредством которого доиндивидуальное поле, характеризующееся метастабильным равновесием (неустойчивым балансом потенциалов), разрешает свои внутренние напряжения через структуризацию и образование относительно устойчивых индивидов. Именно поэтому основополагающая идея Симондона заключается в том, что индивид несет в себе следы своего генезиса. Он всегда «больше чем один» так как содержит в себе доиндивидуальное измерение (остаток доиндивидуального бытия) и продолжает эволюционировать. Такое метастабильное бытие не может быть исчерпано, поскольку оно постоянно обновляется и трансформируется за счет актуализации порождаемых им энергетических потенциалов, сохраняя при этом остаток нереализованных возможностей. Здесь Симондон следует за французским ученым, лауреатом Нобелевской премии по физике Луи де Бройлем (1892–1987), у которого потенциал, понимаемый как потенциальная энергия, в квантовой механике всегда реален [16]. А именно в уравнении Шредингера потенциал обычно считается вещественным, чтобы гарантировать сохранение вероятности и эрмитовость гамильтонiana (оператора полной энергии системы). В результате такая потенциальная энергия не только всегда метастабильна, но и всегда незавершена. Эта принципиальная незавершенность индивидуального бытия находит свое выражение у Симондона в концепции ассоциированной среды (индивиду-среды). А именно в рамках особого ассоциированного фона, который не просто окружает индивида, но составляет с ним единую систему [14, p.67–72]. Ассоциированная среда не является внешним контекстом, а представляет собой продолжение самого процесса индивидуации: она сохраняет связь с доиндивидуальными потенциалами и служит пространством возможностей для дальнейших трансформаций.

Другими словами, индивид и его ассоциированная среда у Симондона – это две неразрывно связанные, но принципиально различные стороны одного процесса индивидуации. Их связь трансдуктивна и функциональна, но не тождественна. Индивид – это результат, носитель процесса индивидуации, а также метастабильная структура, достигшая относительного внутреннего равновесия (когерентности) через разрешение напряжений. Она обладает внутренней организацией (формой), которая действует как оператор, поддерживающий свою целостность. Она активна в процессе своего поддержания и дальнейшей эволюции. Другая сторона индивида – ассоциированная среда. Это среда, которая непосредственно вовлечена в процесс индивидуации данного

конкретного индивида. Она не пассивна, а является необходимым условием и участником процесса. В ней содержатся потенциалы, энергии, информация, которые индивид «извлекает» или на которые он «реагирует» для поддержания своего существования и развития. Она структурирована в соответствии с операцией индивида. Среда «ассоциируется» потому, что ее состояние и свойства становятся релевантными именно для данной операции индивидуации. Поэтому индивид и его ассоциированная среда (индивиду-среда) всегда определяют друг друга. Индивид не существует до своей среды, а среда не является ассоциированной до появления индивида, который с ней взаимодействует. Они совместно конституируются в процессе индивидуации. Например, кристалл поддерживает динамическое равновесие с раствором, из которого он образовался, а живой организм – с экологической нишой, которая одновременно и поддерживает его, а также трансформируется под его воздействием. Вот почему индивид существует не как изолированное сущее, а как узел (система) отношений в непрерывном поле становления, где границы между «внутренним» и «внешним» оказываются подвижными и взаимно проникающими^[14,п.67-72]. При этом индивидуация не прекращается с появлением индивида, а продолжается как персонализация (у человека) или дальнейшая дифференциация. Тем самым Симондон не только предлагает новаторскую теорию происхождения индивидуальности, но и создает инструмент для преодоления дуализмов (субъект и объект, душа и тело, природа и культура). В этом случае Симондон показывает, как из единого процесса становления через трансдукцию (передачу энергии и информации между разными порядками реальности) возникают сущие^[14,п.32]. Его проект – это поиск оснований для подлинно процессуальной, информационной и реляционной онтологии.

Очевидно, отвергая «готового» индивида как исходную точку, философия Симондона становится похожей на диалектический материализм. Однако в дальнейшем пути, которыми идут Симондон и диалектический материализм, расходятся кардинально в понимании самой природы реальности и механизмов ее изменения. Симондон предлагает гораздо более радикальную и нередукционистскую онтологию процесса, свободную от субстанциализма и телеологии, присущих классическому диалектическому материализму. Его понятие трансдукции принципиально отличается от диалектического отрицания как двигателя развития. Если симондонианская концепция трансдукции радикально переосмысливает сам принцип развития, отказываясь от диалектического отрицания в пользу имманентного разрешения метастабильных напряжений, то закономерным становится вопрос: как в этой процессуальной онтологии осмысливается статус индивидуального? В отличие от классических подходов, где индивид понимается как стабильная субстанция или завершенный результат развития, Симондон предлагает принципиально иную перспективу. Индивидуальное у него предстает не как данность, а как временный модус бытия или «фаза»^[14,п.31] в процессе индивидуации, которая сохраняет в себе следы своего доиндивидудального происхождения и остается открытой для дальнейших трансформаций.

Симондон радикально переосмысливает понятие фазы, заимствованное из физики, придавая ей принципиально иное философское содержание. В отличие от классического понимания фазы как временного этапа или стадии развития (что характерно для диалектического подхода), он трактует фазу как особый модус бытия, характеризующийся специфической материальной консистенцией. Для Симондона фаза – это не временной момент, как в диалектическом процессе, а скорее устойчивая (или неустойчивая) конфигурация материальности, которая может существовать в оформленном или неоформленном состоянии. В этом смысле фаза не привязана к

линейной временной последовательности, а обозначает скорее качественное состояние системы, ее внутреннюю организацию и степень структурированности. Например, кристаллизация – это не просто переход из одного состояния в другое, а возникновение новой фазы, которая, сохраняя связь с исходной средой, обретает собственную консистенцию и логику существования. То есть симондонианская фаза – это не этап развития, а материальная реальность, которая может быть как относительно устойчивой, так и метастабильной, но всегда обладает собственной внутренней динамикой, не сводимой к временной последовательности. Это позволяет ему выйти за рамки диалектики Энгельса, где «момент» всегда подчинен логике процесса, и предложить онтологию становления, в которой фазы сосуществуют, взаимодействуют и трансформируются без жесткой привязки к линейному времени. В этом случае фазы – это не уровни иерархии, а способы организации доиндивидуального, где в этом смысле индивид – это фаза сущего. Иными словами, такой взгляд позволяет преодолеть традиционную оппозицию части и целого: индивид не только встраивается в готовую структуру мира, но и постоянно переопределяет себя и свои границы через взаимодействие с сохраняющимся доиндивидуальным фоном. Этот процессуальный подход к индивидуальности особенно важен для понимания сложных форм организации – от физических систем до живых организмов и социальных структур, где жесткие категории классической метафизики оказываются недостаточными.

Итак, у Симондона первичной реальностью (первоосновой) является доиндивидуальное поле, состоящее из разности потенциалов, напряжений и энергий. То есть Симондон описывает «доиндивидуальное» как метастабильное поле напряжений (информацию), где отсутствуют четкие границы между потенциальными формами. Это не пассивная материя, а динамическая среда, насыщенная противоречивыми силами и неразрешенными различиями, своего рода «метастабильный резервуар возможностей»[\[14, p.30-32\]](#), из которого кристаллизуются индивидуальные структуры (индивиду). Важная характеристика такого состояния – неустойчивое равновесие: система содержит в себе множественные потенциалы (например, термодинамические градиенты, электрохимические различия), которые требуют разрешения через трансдуктивный акт индивидуации. Симондон подчеркивает, что доиндивидуальное поле нельзя сводить к хаосу. Это скорее поле, где уже заложены условия для возникновения порядка, но сам порядок еще не актуализирован[\[14, p.58\]](#). То есть доиндивидуальное поле бесфазно и в нем нет разделения на индивиды или среды, а есть только напряжения, ищащие своего разрешения. Более того, такое «доиндивидуальное» всегда есть в виде неразрешенного остатка у индивидов. Отсюда следует, что в процессе становления разных фаз индивидуации это «доиндивидуальное» принимает уникальную и метастабильную форму, ориентированную на определенные типы этих индивидов.

Отметим, что Симондон выделяет следующие фазы индивидуации, где «доиндивидуальное» проявляется по-разному. Во-первых, физическая фаза – базовый уровень индивидуации, где индивиды возникают через пространственную, временную и рекурсивную организацию материальности. Симондон противопоставляет это гилеморфизму Аристотеля[\[17, c.187-222\]](#) и субстанциализму Р. Декарта (1596–1650)[\[18, c.350-354\]](#), предлагая процессуальную модель становления. Здесь физическая фаза (физический индивид) возникает не из комбинации предзаданных элементов, а через самоорганизацию материальности в ответ на внутренние напряжения доиндивидуального поля. Пространственно-временная структура (например, кристаллическая решетка или вихревой поток) есть не «приданная» извне сущность, а эмерджентное разрешение потенциалов самой материальной среды – следствие ее операциональной способности к

созданию структур. В результате индивид на физическом уровне есть не статичный «объект», а стабилизированный режим непрерывного процесса, где материальность выступает не субстратом, а активным агентом собственного оформления [14, p.31].

Во-вторых, возникает биологическая фаза индивидуации, переход к которой от физической фазы индивидуации представляет собой не разрыв, а естественное продолжение единого процесса становления. В этом случае после завершения физической индивидуации (например, кристаллизации), остаются не только метастабильные зоны (дефекты кристаллической решетки, поверхностные напряжения), но и возникают новые энергетические градиенты, не нашедшие разрешения, а также «нереализованные» структурные потенциалы. Эти метастабильные и контингентные остатки «доиндивидуального» становятся предпосылкой для индивидуации новой биологической фазы [14, p.58]. Например, эмбриональное развитие зависит не только от генов (относительно стабильный фактор), но и от эпигенетических факторов (контингентные остатки ассоциированной среды и контингентные взаимодействия клеток). В этом случае эпигенетические факторы влияют на то, как именно гены будут экспрессироваться, приводя к вариациям даже у генетически идентичных организмов. Таким образом, благодаря трансдуктивной операции, включающей в себя механизмы рекурсии, происходит перенос напряжений между уровнями индивидуации. То есть физические напряжения (диспарации, потенциалы, информация) на границе ассоциированной среды биологического индивида преобразуются или разрешаются через трансдукцию, порождая внутреннюю структуру этого индивида, которая затем непрерывно модулируется в ответ на возникающие напряжения. Поэтому становление структуры биологического индивида (морфогенез) – это имманентный процесс системы, управляемый ее собственными напряжениями через трансдукцию и модуляцию, а не внешним полем. Иными словами, Симондон предлагает радикально процессуальную онтологию, где форма – это не статичная данность и не управляющее поле, а сам процесс постоянного разрешения напряжений и адаптации. Здесь морфогенез – это и есть индивидуация в действии (имманентный процесс самоорганизации через разрешение напряжений, трансдукцию и модуляцию). В результате биологическая индивидуация не заменяет физическую, а разворачивает ее потенциалы в новом «регистре бытия», сохраняя при этом связь с исходными физическими условиями.

В-третьих, психическая индивидуация у Симондона представляет собой процесс становления человеческого «Я» как динамической системы, преодолевающей внутренние противоречия через постоянный диалог с окружающим миром. В отличие от классических теорий, где психика рассматривается как замкнутая субстанция (например, картезиансское «Cogito») [18, c.250-296, 19, c.3-72], Симондон описывает ее как метастабильное поле аффектов и перцепций, которое структурируется через взаимодействие с физическими и социальными средами. Ключевой механизм здесь – трансдуктивное разрешение психического напряжения в символические формы (язык, образы, жесты), что позволяет разрешать внутренние конфликты не путем их подавления, а через творческое преобразование. Например, детские страхи не исчезают, но перерабатываются в фантазии или социальные навыки, становясь частью личности. Этот процесс принципиально незавершен. Психика никогда не достигает статичного равновесия, поскольку постоянно сталкивается с новыми доиндивидуальными напряжениями (внешними вызовами, телесными изменениями, культурными противоречиями). В этой связи Симондон подчеркивает, что индивид – это не состояние, а «траектория» [12, p.47], где даже сформировавшиеся черты характера остаются пластичными под влиянием трансиндивидуального поля отношений. Поэтому такие

отношения – это не то, что «субъект – субъект», как у Э. Гуссерля (1859–1938), а поле сил, смыслов и физических практик, которые трансформируют самих индивидов и порождают коллективные формы (язык, институты и технологии). Например, взрослый человек, осваивая новый цифровой технический «интерфейс» (новую среду) не только приобретает навык, но и модифицирует свою психическую организацию, способ восприятия времени, памяти, даже эмоций. В этом смысле психическая фаза индивидуации оказывается перманентным становлением, где устойчивость метастабильного «Я» обеспечивается не неизменностью, а способностью к постоянной пересборке.

В-четвертых, коллективная фаза индивидуации у Симондона представляет собой процесс, в котором социальные группы возникают не как простые суммы индивидов, а как трансиндивидуальные системы, превосходящие индивидуальный уровень [12, р. 165–172]. Этот процесс аналогичен физической и психической индивидуации. Однако разворачивается он в рамках взаимодействий множества индивидов, технологий и культурных кодов в более сложном [20, с. 72] трансиндивидуальном поле. Например, язык, будучи трансиндивидуальным образованием, не принадлежит ни одному носителю, но при этом формирует их мышление и коммуникацию. Коллективная фаза индивидуации разрешает социальные напряжения (конфликты интересов, культурные противоречия) не через подавление, а через создание новых форм организации: законов, ритуалов, институтов, которые становятся «ассоциированной средой» для дальнейшего развития [12, р. 178–180]. В данном контексте коллективная фаза индивидуации, как все другие фазы, являются незавершенными и открытыми. В отличие от теории диалектико-материалистической онтологии Энгельса, где социальные структуры рассматриваются как стабильные и надиндивидуальные, Симондон подчеркивает, что они всегда сохраняют связь с доиндивидуальными потенциалами (неартикулированными аффектами, нерешенными конфликтами) и потому способны к трансформации. Например, технологические прорывы – это не «сбои» системы, а моменты ее реиндивидуации, когда старые формы распадаются, а новые кристаллизуются из коллективных практик (новые режимы трансиндивидуальности) [12, р. 200–202]. Поэтому коллективная фаза индивидуации – это не итог, а перманентный процесс, в котором общество, как и индивид, остается «фазой» в непрерывном становлении.

Необходимо подчеркнуть, что у Симондона психическая и коллективная фазы индивидуации, в отличие от физической и биологической фаз, появляются в рамках его теории одновременно и неразрывно. В этом случае Симондон радикально отходит от традиционных иерархий. Например, в классических моделях психическое и социальное часто рассматриваются как отдельные уровни (например, Э. Дюркгейм, О. Конт, Э. Гуссерль, Т. Парсонс и т.д.). Но для Симондона принципиально, что человеческая индивидуация требует двойного движения: внутрь (психическое) и вовне (коллективное). Поскольку человек по своей природе всегда есть сущее, разорванное между внутренними напряжениями и необходимостью их выражения вовне. Причина такого «разворота» лежит в критике Симондоном понятия «индивиду как монада». Он показывает, что психическое не может стабилизироваться в изоляции, ему требуется перевод в символы, жесты, язык, которые, по определению, трансиндивидуальны. Отсюда его знаменитый тезис: «Нет психического индивида, есть психическая индивидуация, всегда уже обращенная к коллективному» [12, р. 36]. В этом случае трансиндивидуация у Симондона представляет собой процесс, выходящий за пределы индивидуального существования, но не растворяющийся в коллективном. Это особая форма бытия, где индивиды сохраняют свою уникальность, одновременно участвуя в

создании новых форм реальности [12, р. 203–205]. В отличие от традиционных концепций интерсубъективности, трансиндивидуальное не сводится ни к сумме индивидуальных сознаний, ни к надиндивидуальным структурам, а представляет собой поле отношений, в котором происходит взаимное преобразование индивидов и среды. Например, научное сообщество как трансиндивидуальное поле не только объединяет исследователей, но и создает условия для появления новых идей, которые не могли бы возникнуть в изолированном сознании отдельного ученого [12, р. 203–205]. Другими словами, это энергетический и смысловой резервуар, питаемый аффектами, конфликтами, творчеством живых существ.

Следовательно, согласно разработанной Симондоном концепции «онтологии становления», трансиндивидуальность формируется через динамическое взаимодействие противоположных начал, между которыми устанавливаются сложные отношения взаимного влияния. Эти взаимодействия создают особое пространство становления, где происходит постоянное преобразование как индивидуального, так и коллективного начал. В качестве примера можно привести моральный выбор, где противоположные ценности (добро и зло) не просто противостоят друг другу, но создают напряжение, требующее творческого разрешения. Такая философская позиция предполагает многоуровневое понимание реальности. В этом случае процессы индивидуации разворачиваются как в горизонтальной плоскости отношений (социальной), так и в вертикальной (онтологической) плоскости отношений. Подобный подход позволяет по-новому осмыслить проблему веры в современный мир и открывает перспективы для формирования новых мировоззренческих ориентиров. В этом контексте трансиндивидуальные отношения предстают как непрерывный процесс преобразования, который можно охарактеризовать как «перманентное обновление социального». Особое значение в этой системе координат приобретает точка пересечения коллективного и индивидуального начал, которая становится источником и одновременно результатом трансиндивидуальных процессов. Именно в этом пространстве взаимодействия происходит постоянное переосмысление и преобразование человека как личности, так и социальных структур.

Вместе с тем трансиндивидуальные отношения в «онтологии становления» Симондона в значительной степени активно опосредованы техническими объектами, которые развивают психосоциальную (трансиндивидуальную) сплоченность и способствуют ей. В онтологии у Симондона технический объект (система) является полноценным участником онтологических процессов, обладающий собственной «технической индивидуальностью», внутренней логикой («конкретизацией») и способный вступать в трансиндивидуальные отношения в интервале между человеком и миром. Как утверждает Симондон: «... «технический объект» должен пониматься в двух смыслах: объектом является то, что относительно отдельно, как этот микрофон, как какая-нибудь вещь, которую можно взять с собой, что предполагает наличие у нее измерений, позволяющих обращаться с ней тем или иным образом и соответствующих силам человеческого тела. Кроме того, объектом является также то, что в истории может быть потеряно, забыто, вновь найдено – в общем, то, что обладает некоторой автономией и индивидуальной судьбой. Когда промышленность производит объекты, которые она выпускает на рынок, потом теряет к ним интерес, то начинается их личное существование. В общем, они как организмы, только не живые. Вот почему можно говорить об объектах» [21, р. 400].

Иными словами, технический объект понимается не как статичная вещь, а как сущее, обладающее внутренней историей становления. В процессе своей эволюции технические устройства проходят путь конкретизации, что проявляется в усилении функциональной

взаимосвязанности их компонентов. Этот процесс характеризуется следующими особенностями. Во-первых, переходом от абстрактному к конкретному, что способствует технической эволюции представлять собой движение от первоначальной разрозненности элементов к целостной системе, где части приобретают многозначные функции в рамках единого ансамбля. То есть Симондон рассматривает конкретизацию как показатель совершенствования, а абстрагирование считает распадом функциональных связей или, по-другому, возвратом к механическому соединению независимых модулей. Во-вторых, формированием «внутреннего резонанса», благодаря которому усиливается синергия и элементы технического объекта начинают взаимодействовать по принципу взаимного усиления, уменьшая энергетические потери и структурные противоречия [\[10.р.48-52\]](#). В-третьих, обретением онтологической автономии, согласно которой конкретизированный объект перестает быть простой суммой деталей. Он превращается в технического индивида с собственной логикой функционирования. Его «самодостаточность» проявляется не в изоляции, а в способности поддерживать внутренние связи при взаимодействии со средой [\[10.р.60-63\]](#).

Таким образом, технический объект (как результат технической индивидуации) – это не конечная остановка, а «узел» в этой бесконечной, разветвленной, поступательной, но не линейной сети рекурсивных трансдукций. Его «возврат» стремится не назад к истокам, а вперед в качестве условия и проблемы для следующего акта становления. Бытие техники – это вечное участие в этом потоке, где прошлое трансдукции материализовано в ее структуре, а будущее – порождаемых ею новых напряжениях. Безусловно, прозорливость Симондона поразительно подтверждается современными технологиями: он предвосхитил не только развитие эволюционной биологии, но и возникновение глобальных компьютерных сетей, став провидцем философии техники. Однако его главное значение сегодня – в переосмыслении социальной субъектности: симондонианская онтология бросает вызов традиционным представлениям о природе идентичности и коллективности в цифровую эпоху, заставляя пересматривать сами основы человеческого бытия в мире.

От диалектики к трансдукции: сравнение онтологических теорий Энгельса и Симондона.

Понимание бытия как динамической саморазвивающейся материи, подчиненной универсальным законам диалектики, стало краеугольным камнем онтологии Ф. Энгельса. В его диалектическом материализме материя предстает объективной вечной субстанцией, чье движение и развитие обусловлены внутренними противоречиями, разрешающимися через скачки и отрицание отрицания и которые закономерно в дальнейшем ведут к прогрессу от неорганической природы к жизни, сознанию и обществу. Эта грандиозная система предлагала всеобъемлющее, детерминистское (пусть и не исключающее случайности в рамках необходимости) объяснение мира, где любой объект или субъект, будь то атом или человек, мыслился как закономерный результат действия этих универсальных диалектических законов, воплощенных в конкретных формах материи. Онтология Энгельса утверждала примат целого (объективных законов развития) над частным и ставила задачу познания этих законов как высшую цель науки. Однако в середине XX века Ж. Симондон предложил радикально иную онтологическую перспективу, сместив фокус с универсальных законов субстанции на сам процесс становления индивидов. Его концепция, центрированная вокруг индивидуации, исходит не из готовой материи или предзаданных форм, а из доиндивидуального поля напряжений, энергий и потенциалов. Ключевым инструментом понимания этого становления для Симондона становится не диалектика противоречий, а трансдукция –

операция, посредством которой структура разрешается и переносится через саму себя в процессе индивидуации, порождая новые, нередуцируемые к предыдущим состояниям реальности. Индивид здесь не конечный продукт, а фаза в непрерывном процессе становления, обладающая внутренней активностью и открытостью. И более того, этот переход от диалектики к трансдукции знаменует сдвиг от объяснения мира через субстанцию и ее законы к его пониманию через становление, отношения и внутреннюю операциональность самого процесса индивидуации.

Итак, развивая свой метод, Симондон критически упоминает эпистемологию прагматизма и логического эмпиризма, полностью от них дистанцируясь. Аналогичное неприятие он проявляет к гегелевской диалектике, редко указывая источник. Обращаясь к Марксу и Энгельсу при анализе отчуждения, особенно в контексте диалектики господина и раба [10, р. 165–167], Симондон часто рассматривает диалектику Гегеля и диалектический материализм Маркса и Энгельса как единую философскую позицию [1, 22]. При этом, проводя сравнение онтологий Энгельса и Симондона, мы можем отметить как точки условного совпадения, так и следующие фундаментальные различия.

Во-первых, фундаментальное расхождение в понимании материи характеризует онтологии Энгельса и Симондона. Для Энгельса, одного из основателей диалектического материализма, материя есть первичная, вечная, объективная субстанция, независимая от сознания и являющаяся основой всего сущего. Ее неотъемлемый атрибут – движение, понимаемое как способ ее существования. Материя здесь – субстрат и носитель диалектических законов. Напротив, Симондон радикально отвергает субстанциальную трактовку материи. Его процессуальная и реляционная онтология исходит из «доиндивидуальной реальности» – поля энергий, потенциалов, напряжений и отношений, предшествующего всякой индивидуальности. В этой парадигме сложности «материя» не исходная данность, а поле потенциалов для индивидуации, возникающее из этого доиндивидуального состояния. Поэтому ключевое отличие заключается в том, что Энгельс утверждает материю как исходную субстанцию, а Симондон видит в ней реляционный момент процесса, где онтологически первичны не вещи, а отношения и процессы их конституирования.

Во-вторых, природу изменения и развития Энгельс и Симондон понимают радикально различно. Энгельс видит развитие как прогрессивный диалектический процесс, управляемый универсальными законами (борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания), где противоречия выступают его «мотором», а скачки ведут к более высоким уровням. В противовес этому Симондон заменяет диалектику индивидуацией как ключевым процессом становления нового, основанным на трансдукции. Трансдукция – это конкретная операция, разрешающая метастабильные напряжения доиндивидуального поля и переносящая структуру через саму себя. В этом случае важными отличиями являются: а) «двигатель» эволюции: (диалектическое противоречие, ведущее к разрешению) у Энгельса и метастабильное напряжение (многовариантное по исходу) у Симондона; б) логика: универсальная диалектическая триада (предзаданная логика) у Энгельса и имманентная операция (создающая логику ситуации) у Симондона; в) направленность: гарантированный прогресс у Энгельса и принципиальная открытость (без предзаданной цели) у Симондона. Единственное условное сходство – признание скачкообразного характера изменений (качественные скачки и фазовые переходы) и наличия внутренней логики процесса.

В-третьих, статус индивида и его происхождение кардинально различаются в онтологиях

Энгельса и Симондона. У Энгельса индивид любого уровня (атом, организм, человек) есть закономерный продукт действия универсальных диалектических законов материи на определенной ступени ее развития. Индивид подчинен этим законам, а его сознание и мораль детерминированы материальными условиями. Симондон радикально переосмысливает это: индивид – это не только результат, а фаза процесса индивидуации, а также «носитель» ее продолжения (психической и коллективной индивидуации). Он – решение проблемы метастабильности, сохраняющее связь с доиндивидуальным полем и потенциал дальнейшего становления. В связи с этим ключевыми отличиями являются: а) сущность: продукт законов (иллюстрация необходимости) у Энгельса и фаза или событие процесса (конкретный исход трансдукции) у Симондона; б) активность: детерминированность (вторичная активность, подчиненная целому) у Энгельса и внутренняя активность (как носителя продолжающейся индивидуации) у Симондона; в) связь с целым: часть, подчиненная законам целого (природа, общество) у Энгельса и активный узел в сети трансиндивидуальных отношений у Симондона. Единственное условное сходство – признание возникновения индивида в процессе развития динамической реальности.

В-четвертых, эпистемологические подходы Энгельса и Симондона представляют собой принципиально разные проекты. Для Энгельса познание есть отражение в сознании объективных диалектических законов, управляющих природой и обществом. Цель науки – выявить и сформулировать эти универсальные законы, применяя диалектику как метод. Симондон отвергает эту модель «отражения» и априорную методологию. Для него понимание реальности требует следования за самим процессом индивидуации и изучения его трансдуктивных операций. Акцент смещается на генезис, а трансдукция становится эпистемологическим принципом, требующим воспроизведения мышлением операциональности становления. Трансдукция всегда соответствует мышлению, которое конституируется внутри области посредством прохождения. В этом случае ключевым отличием является то, что Энгельс утверждает возможность познания универсальных объективных законов через диалектический метод, тогда как Симондон видит задачу в имманентном понимании конкретных операций (трансдукции), конституирующих реальность, отвергая универсальную априорную методологию (диалектику) в пользу анализа самого становления. Единственное условное сходство – признание важности динамического и конкретного подхода к реальности.

Кроме того, в отличие от Энгельса, Симондон предлагает нередукционистский взгляд на контингентность. Для него мир – это небаланс между необходимостью и случайностью, а поле контингентных и метастабильных состояний, где контингентность встроена в саму ткань бытия. Это значит, что новизна в природе и обществе рождается не из «законов», а из непредсказуемых трансдуктивных моментов перехода между состояниями. Такой подход ближе к современным теориям хаоса, сложных адаптивных систем и нелинейной динамики, где контингентность – не отклонение от нормы, а источник креативности самой реальности.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ онтологий Энгельса и Симондона демонстрирует не частные расхождения, а глубинный сдвиг в философской парадигме понимания бытия. Переход «от диалектики к трансдукции» знаменует радикальную онтологическую трансформацию: от субстанции с ее универсальными законами к процессу и отношениям как первичной реальности; от объяснения через априорную необходимость диалектики к пониманию через имманентные операции трансдукции, разрешающей метастабильность; от индивида-продукта детерминирующих сил к индивиду-фазе и активному носителю

непрерывного становления; от познания как отражения объективных законов к познанию как следованию за операциональной логикой генезиса. Поверхностные сходства (динамизм, скачкообразность изменений) меркнут перед этим фундаментальным переворотом в трактовке реальности, времени, индивидуальности и самого акта познания. В контексте вызовов современной науки и философии – от сложности биологических систем и искусственных нейросетей до нелинейных социальных процессов – методология Симондона приобретает неоспоримую эвристическую ценность и должна быть взята за основу. Его процессуальная и реляционная онтология и трансдуктивный подход предлагают незаменимый инструментарий для осмыслиения сущего, которая все реже укладывается в прокрустово ложе жестких детерминистских схем и универсальных законов классического типа. Акцент на генезисе, метастабильности, конкретных операциях, индивидуации и внутренней активности систем позволяет адекватно описывать становящиеся, открытые и самоорганизующиеся феномены, характеризующие современный научно-философский ландшафт. В отличие от априорной диалектики Энгельса, требующей подведения явлений под готовые схемы, метод «следования» Симондона, основанный на имманентном анализе операций становления, обеспечивает гибкость, адаптивность и чувствительность к уникальности процессов, что является не просто предпочтительным, но необходимым условием продуктивного познания сложности XXI века. Онтология Симондона, таким образом, предстает не просто альтернативой, а методологической основой для актуального философского и междисциплинарного исследования.

Библиография

1. Ивахненко Е.Н. Аллагматика Симондона vs диалектика Гегеля // Вестник Московского университета. 2023. Т. 47. № 6. С. 107-126.
2. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRP MKZ.
3. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1953. 328 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Книга вторая. / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). Под ред. Д. Рязанова. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1925. 502 с.
5. Кедров Б.М. Энгельс и диалектика естествознания. М.: Политиздат, 1970. 471 с.
6. Гегель. Наука логики. Том I. Чехов: Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
7. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. М.: Политиздат, 1961. 827 с.
9. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М: ОГИЗ, 1939. 19 с.
10. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
11. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
12. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
13. Simondon G. Gilbert Simondon: une pensée de l'individuation et de la technique. Paris: Albin Michel, 1994. 278 p.
14. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
15. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111-125. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-111-125. EDN: ZFTMWL.

16. Broglie L. de. Ondes et mouvements. Paris: Gauthier-Villars, 1926. 133 р.
17. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М: Мысль, 1976. 550 с.
18. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
19. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
20. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1-я // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 70–84. EDN: VCVPHD.
21. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: Presses universitaires de France, 2014. 460 р.
22. Григорова Я.В., Тимашов К.Н. Диалектика и трансдукция в философии Жильбера Симондона // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 3. С. 76-90. DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-3-76-90. EDN: AQHBPG.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Темой рецензируемой статьи является сравнение общефилософских представлений Ф. Энгельса и Ж. Симондона. Появление этой темы в сфере интересов современных исследователей представляется вполне естественным. Дело в том, что Симондон – один из самых «диалектических» мыслителей в постклассической философии, если только это понятие трактовать так же широко, как трактовал его сам Энгельс, отмечая, например, диалектические черты у современных ему естествоиспытателей. И правильно, конечно, что в статье даётся сравнение именно с Энгельсом, а не с диалектическим материализмом как философской системой в целом, поскольку из «классиков-основателей» именно Энгельс в поздний период своего творчества интересовался теми универсальными философскими сюжетами, с которыми можно соотнести размышления Симондона. Статья производит благоприятное впечатление, для автора характерны эрудиция и понимание принципиального отличия постклассической философии от диалектики, которая, конечно же, укоренена в классической философии и просто «выстрадана» последней на заключительном этапе её существования. Наиболее существенная слабость статьи, по мнению рецензента, состоит в том, что автор в ряде случаев стремится увидеть различия взглядов Симондона от позиции Энгельса в тех пунктах, где их, в действительности, нет, или, в крайнем случае, они носят не столь принципиальный характер. Прежде всего, автор ошибочно приписывает Энгельсу «субстанциализм»: Энгельс, вне всякого сомнения, согласился бы с теми «поправками», которые высказывались Симондоном и повторяются автором статьи. Например: «Это не просто спор о приоритете «материи» или «процесса», а фундаментальное столкновение двух способов мыслить саму природу бытия: как завершенную систему или как непрерывное творчество». Где Энгельс говорит о «природе бытия» как «завершённой системе»? Это просто недоразумение, сложившееся, возможно, под влиянием «усреднённого» прочтения Энгельса советскими философами. Далее, а на каком основании вообще «материя» противопоставляется «процессу»? Она противостоит не «процессу», а идеальному началу (Энгельс чаще всего использует для его обозначения «дух»), и сама материя во всём многообразии её форм – насквозь «процессуальна»! Не следует из тезиса о «материальности» бытия выводить его «стабильность», «субстанциальность», «замкнутость» и т.п., это – тот самый «метафизический материализм», с которым Маркс и Энгельс боролись не менее решительно, чем с идеализмом. По существу, автор статьи просто путает «основания деления»: подменяет «материальность» – «идеальность» «статичностью» – «процессуальностью»; рискну

предположить, что Энгельс вообще принял бы выражение «процессуальная онтология», а если бы и отказался, то не из-за «процессуальности», а из-за «онтологии», поскольку считал, что после Гегеля в сфере философии остаются только законы мышления (об этом выразительно сказано в «Людвиге Фейербахе»). Соответственно, такая квалификация, как «онтология завершённости», просто неприменима к Энгельсу, да и к диалектическому материализму в целом. «Процессы индивидуации» отнюдь не противоречат «объективной диалектике природы», да Энгельс был бы полностью согласен и с (противопоставляемым его позиции) тезисом, что «становление предшествует бытию», «бытие» – лишь «абстракция» от «становления». И когда автор указывает, что «Симондон радикально отвергает субстанциальную трактовку материи», можно добавить, что и у Энгельса с подобной «трактовкой» ничего общего не было. А когда он уточняет, что «процессуальная и реляционная онтология» Симондона «исходит из «доиндивидуальной реальности» – поля энергий, потенциалов, напряжений и отношений», то мы, в свою очередь, можем сказать, что интерес к «энергии», «отношениям» и т.д. во времена Энгельса был бы странен из-за того состояния науки, которое он мог наблюдать. Конечно, отмеченная тенденция радикализации различий между двумя мыслителями, на взгляд рецензента, ошибочна, хотя это и не умаляет отмеченные выше достоинства статьи. Думается, автор сможет учесть представленные здесь замечания в последующих публикациях. Статья может быть рекомендована к печати и в её сегодняшнем виде в качестве выражения вполне определённой авторской точки зрения, правда, хотелось бы порекомендовать в рабочем порядке отредактировать стилистические и пунктуационные погрешности, которые до сих пор остаются в тексте.